

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Фашистские бомбардировщики подходили к линии фронта четырьмя группами по пять — семь машин. Их прикрывали истребители. В этом районе наши войска с воздуха охраняла восьмерка «Яков» во главе со старшим лейтенантом Леонидом Саркисяном.

Саркисян разделил ведомых на две четверки. Одной командовал он сам, другой — лейтенант Михаил Барабанов. Действуя согласованно, летчики рассеяли врага и не позволили сбросить ни одной бомбы на боевые порядки наших войск.

Храбро сражались Саркисян и его летчики. Под Курском, где в каждом бою с обеих сторон участвовало по несколько сот самолетов, за несколько дней ими было сбито 20 вражеских машин. Из них Саркисян лично уничтожил пять и одну вместе с лейтенантом А. Кочергой. «Старший лейтенант Саркисян, — отмечалось в наградном листе, — пытливый командир эскадрильи, со спокойной натурой, хороший воспитатель, мастер воздушного боя. Он сумел сплотить своих летчиков, техников, механиков, оружейников в дружную боевую семью, сementировал одной мыслью — всеми силами уничтожать врага».

«Наш командир, — вспоминает А. Кочерга, — умел найти общий язык с людьми в любой обстановке». Этот общий язык лежал в основе слетанности его со своими воспитанниками, с напарником — младшим лейтенантом Александром Шавердиевым, с которым он вместе воевал два года.

Саркисян и Шавердиев в самом сложном бою с численно превосходящим противником понимали друг друга, как понимают действующие под куполом цирка акробаты: настолько у них было отработано искусство боя в паре, настолько они владели общим языком истребителей-профессионалов.

Все жарче и жарче становились воздушные схватки в районе Прохоровки и Тамаровки. Фашистская авиация упорно стремилась завоевать господство в воздухе. Но это ей уже было не под силу.

12 июля 1943 года шестерка истребителей под командованием Саркисяна вела патрулирование над линией фронта. Фашистских самолетов нигде не было видно,

и летчики легли на обратный курс. Но тут справа показались вражеские бомбардировщики. Все отчетливее проступали свастики на фюзеляжах «юнкерсов».

Завязался ожесточенный воздушный бой. Лейтенант Кочерга устремился за «юнкерсом», замыкавшим строй. Длинная очередь впиалась во вражеский самолет. На какое-то мгновение он словно повис на месте, потом покачнулся и взорвался. Четыре вражеских бомбардировщика было сбито в этом бою. Но при выходе из атаки по кабине «Яка» Александра Кочерги неожиданно ударил воздушный стрелок с одного из подбитых «юнкерсов». Лобовое стекло треснуло. Чем-то острым и горячим обожгло лицо. Продолжать бой было невозможно. Кочерга с трудом вел самолет. «Без ведомого не дотяну до аэродрома», — подумал летчик и доложил по радио Саркисяну:

— Ранен, выхожу из боя. Командир ответил:

— Следуй на аэродром. Прикроем.

Всю свою волю, умение, мастерство собрал Кочерга воедино, чтобы добраться до аэродрома. Саркисян шел рядом и командами по радио помогал пилотировать самолет. Когда машина коснулась земли и остановилась в конце взлетно-посадочной полосы, силы покинули летчика. Кровь залила глаза, и он уже плохо различал подруливший к нему самолет и подъехавшую машину. Быстро выскочил Саркисян из самолета и поднялся на плоскость подбитого истребителя.

— Саша, жив?

— Дышу, товарищ командир! — ответил летчик.

Саркисян открыл кабину, вытащил раненого летчика и крепко обнял его.

Сражаться с врагом до последнего дыхания, до последней капли крови во имя Родины — учил Саркисян своих питомцев. И они всегда помнили наказ любимого командира, вместе с ним множили боевые успехи.

Дороги войны разлучили меня с Леонидом. Где теперь Леонид Саркисян? Как сложилась его боевая судьба? Откликнитесь, кто знает что-нибудь о нем.

Х. ПЕТРОСЯНЦ,
гвардии полковник в отставке.